

русский. Все это ... дает мне право считать и называть себя русским...»⁶.

Кроме того, в 1920-е — начале 1930-х гг. многие эмигранты приняли норвежское гражданство и перестали считаться русскими беженцами. Но правовая натурализация, как известно, отнюдь не предполагала ассимиляцию. Следует учитывать и тот факт, что в силу ряда причин часть эмигрантов негативно относилась к самой идее «паспорта Нансена» и отказывалась его получать.

Вместе с тем данные материалы представляют несомненный интерес в плане изучения процессов адаптации российских эмигрантов.

Значительная часть материалов по русским беженцам была впоследствии передана Центральным паспортным бюро в Полицейское управление Министерства юстиции. Информация о территориальном размещении эмигрантов содержится в отчетах о выданных во исполнение Закона об иностранцах от 13 июля 1917 года видах на жительство. Особый интерес представляет переписка по поводу советских граждан, нелегально покинувших СССР в 1920—1925 гг. и обратившихся с просьбой о предоставлении им убежища.

Наибольшей научной ценностью в данной подборке документов, несомненно, обладают систематизированные «дела о русских беженцах». По хронологическо-тематическому принципу их можно разделить на три группы: относящиеся к 1919 — началу 1920 гг. (русские эмигранты, переправленные в Норвегию из Финляндии); 1920 — 1921 гг. (беженцы Северной области); 1921 — 1923 гг. (организация международной помощи русским беженцам и участие в ней Норвегии). Содержащиеся в них документы — списки беженцев, отчеты паспортного контроля, рапорты и постановления властей, материалы о работе международных конференций по оказанию помощи русским беженцам — позволяют охарактеризовать различные аспекты жизни русской колонии в Норвегии.

3. Документы и материалы эмигрантских организаций. Из богатейшей коллекции документов ГАРФ по российской послереволюционной эмиграции особо отметим материалы «Общества северян»⁷, относящиеся к 1918—1926 гг. Они весьма разнообразны по характеру и содержанию.

Наибольшая подборка документов относится к деятельности Временного комитета по делам беженцев Северной области в Норвегии и Финляндии. Временный комитет начинал свою работу в лагере

⁶ Письмо В. Каррика профессору Савичу от 24 февраля 1929 г. // Собрание рукописей библиотеки г. Осло (Норвегия).

⁷ ГАРФ. Ф. 5867.

интернированных Йорстадмуен (Норвегия), а затем действовал при российской миссии в Осло. В задачи Комитета входило: руководство лагерями беженцев Варнесмуен, Йорстадмуен и Лахти-Хеннола; содействие в организации отправки военнослужащих в армию Врангеля на юг России; обмен 5-процентных обязательств «Займа доверия», выпущенных в Северной области, на иностранную валюту; выдача денежных пособий покидающим лагерь и нуждающимся; помощь в трудоустройстве лиц, остающихся в Норвегии и Финляндии. В течение года работы Временный комитет по делам беженцев Северной области провел 136 заседаний, рассмотрев на них 1615 различных вопросов, большая часть которых касалась организации выезда интернированных из лагерей⁸. Протоколы заседаний, переписка председателя Комитета Е.К. Миллера с членами Комитета и другими эмигрантами, их прошения, списки эмигрантов, а также несколько номеров рукописной газеты «Гальюнн вестник», выпускавшейся в норвежском лагере для интернированных Варнесмуен, помогают воссоздать картину начального этапа жизни северных эмигрантов за пределами России.

Таким образом, массовые источники по истории формирования Русского зарубежья позволяют уточнить параметры отдельных потоков российской эмиграции, а также проанализировать специфику периферийных колоний русских эмигрантов. Вместе с тем, их необходимо рассматривать в комплексе с другими группами источников.

Л.А. Тимошина
(г. Москва)

НАСЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА НА ПОСАДЕ КОСТРОМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЦОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА XVII в.*

Одним из важных, но практически не изученных вопросов исторической демографии русского города XVII в. является вопрос о роли и значении наследования профессии в развитии различных отраслей ремесленного и мелкотоварного производства, торговли и

⁸ Подсчитано по журналам заседаний комитета: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 66, 67.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 00-01-00148а.

промыслов. Представляется, что на данном этапе развития исторической науки необходимо тщательное изучение процессов преемственности занятий в той или иной сфере деятельности на уровне отдельно взятых и изучаемых на значительных хронологических отрезках времени семей городских жителей, тем более, что этот вопрос тесно связан с другими проблемами городской жизни, такими, как социальное положение отдельных семей и его изменение с течением времени, поколенно-структурный состав посадских семей и т. д.

В качестве объекта исследования выбрано тяглое население костромского посада за период 1627/28—1664/65. Основными источниками послужили писцовая книга 1627/28—1629/30 гг. писцов И. Бутурлина и И. Злобина и дозорная книга 1664—1665 гг. кн. И. П. Вяземского, составленная для учета городского населения после эпидемии чумы 1654—1655 гг., в которой одновременно содержится и ретроспективная информация из несохранившейся костромской переписной книги 1646 г.

Всего при сравнительном анализе указанных источников были выявлены сведения о 261 посадской семье, которые делились на три группы. В первую группу входили семьи, данные о которых содержались во всех трех источниках, охватывая период с 1627 по 1665 г., то есть имеется возможность проследить занятия их представителей, несмотря на гибель части родственников в эпидемию чумы на протяжении почти сорока лет — 185 семей. Вторую группу составляли семьи, зафиксированные среди дееспособного населения города в писцовой книге 1620-х гг. и переписной книге 1646 г., все члены которых погибли в 1654—1655 гг. и в дозорной книге будут отмечены как умершие — 48 семей. Третья, самая небольшая группа, включает посадские семьи, сведения о которых имелись только в переписной и дозорной книгах, а в писцовую книгу 1620-х гг. эти семьи по причинам, требующим дальнейшего исследования, не попали.

Для большинства семей из первой группы — 104 семьи (56,2%) — был характерен переход профессий по прямым или, в меньшей степени, боковым степеням родства (дед — отец — внук, отец — сын, дядя — племянник). Среди представителей разных поколений в 62 семьях (33,5%) преемственности в занятиях не наблюдается. И, наконец, в 19 семьях (10,3%), включавших в свой состав несколько поколений, каждое из которых было представлено двумя и более братьями, происходило частичное наследование сферы деятельности: одни родственники продолжали дело отца или деда, а другие отказывались от «родовых» занятий.

Во второй группе семей, данные о которых охватывают 1627—середину 1650-х гг., преемственность занятий наблюдалась в 41 семье (85,4%), а в 7 семьях (14,6%) этого не произошло. Случаев частичного перехода не отмечалось.

Из 28 семей, входивших в третью группу, представители 21 (75,0%) унаследовали занятия от родственников, в 6 семьях (21,4%) произошла смена сфер деятельности входящих в них лиц, и в одной семье (3,6%) наблюдалось частичное наследование.

Приведенные данные показывают достаточно высокий в целом уровень преемственности занятий, более половины посадских людей на протяжении сорока лет продолжали заниматься тем же делом, что и их предки. На более коротких, двадцатилетних, отрезках времени процент наследования был еще выше, охватывая более чем 2/3 черного тяглого населения Костромы. Поэтому можно предполагать, что общей тенденцией в жизни посадских семей была преемственность профессиональных видов деятельности.

В сфере ремесленного и мелкотоварного производства высокая степень преемственности занятий (30% и выше) была характерна для отраслей, связанных с обработкой животного сырья (кожевники, строгальники, войлочники, овчинники, мыльники, мясники), металлообработкой (кузнецы и молотовщики), изготовлением некоторых видов продовольствия (калашники, масленники, пряничники) и предметов одежды (однорядошники, сермяжники, шубники), занятиями товарным огородным хозяйством (огородники). Только по наследству, от деда к отцу и внуку, переходили такие редкие для костромского посада и требующие наличия специальных навыков профессии, как замочник, колодезник, струнник (специалист по изготовлению судового такелажа, судовых снастей). В остальных сферах деятельности, где было сосредоточено наибольшее количество ремесленников (35,2% всех поддающихся учету лиц) — портные, сапожники, рукавишники, плотники, а также работные люди и извозчики — степень наследственности занятий была низкой, составляя менее 10%.

Несколько особое положение в сфере занятий посадских людей и, соответственно, в процессе их преемственности занимало иконописное дело. В литературе утвердилась точка зрения о том, что большинство мастеров XVII в. происходило из семей потомственных иконописцев. Это положение в значительной мере применимо к костромским иконописцам 20-х гг. XVII в., почти половина которых (46,2%) действительно унаследовала свою профессию от ближайших родственников, однако в середине 60-х годов только 22,2% мастеров были потомственными иконописцами. Причины этого явления следует искать в ряде обстоятельств. Прежде всего обязательным ус-

ловием для занятий иконописным делом было наличие определенных, достаточно ярко выраженных способностей, которые могли проявляться лишь у отдельных личностей. Не случайно виднейшие представители костромской школы иконописи XVII в. происходили из самых разных по своим занятиям семей: отец Гурия Никитина сидел в лавке в суконном ряду, а его брат Лука был сапожником, Емельян Пушкарицын родился в семье площадного подьячего, потомок двух поколений иконописцев Восцыных Андрей Восцын со своими четырьмя сыновьями варил мыло и занимался отъезжей торговлей. В то же время известно, что на протяжении 50-х гг. XVII в. костромские иконописцы подавали ряд челобитных с просьбами вывести их из состава костромского посада, включив в ведение Оружейной палаты. Поэтому возможно, что к середине 1660-х гг. ряд лиц, поменяв свой социальный статус, просто не попали в дозорную книгу кн. И.П. Вяземского.

Таким образом, изучение истории костромских посадских семей показывает, что преемственность деятельности в различных видах ремесла и промыслов была обусловлена некоторыми сходными чертами их развития. Для занятия ими требовалось наличие специального, иногда довольно значительного и дорогостоящего оборудования, переходящего из поколения в поколение (кожевенные мастерские или дворы, кузницы, мыловарни, маслобойни, оборудование для валяния войлока), а в отношении огородников необходимым условием деятельности было обладание значительными земельными участками. Большую роль играло профессиональное обучение ряду достаточно сложных технологических приемов, что в первую очередь могло происходить в рамках семьи. Немаловажным фактором, как представляется, было и то, что произведенная в этих отраслях продукция шла почти исключительно на рынок.

В непроизводственной сфере достаточно высокая степень наследственности видов деятельности (40% и выше) была характерна для семей, представители которых были связаны с крупной отъезжей торговлей или сидели в лавках на городском торгу. При этом в большинстве случаев постоянство занятий было связано с неизменностью самих предметов торговли: представители одних и тех же семей на протяжении 40 лет торговали только «своим» товаром: солью, рыбой, скотом, мылом, мукой.

Проведенный сравнительный анализ сведений писцовой и дозорной книг позволяет констатировать, что для костромского посада было характерно возрастание доли наследственности в различных видах деятельности: если в 20-х годах 22,1% всех учтенных посадских людей, занятых в производственной и непроизводственной сферах,

унаследовали свою профессию от родственников, то к середине 60-х годов их доля возросла до 32,9%, т. е. преемственность занятий была характерна уже для трети посадских людей. Это явление было весьма тесно связано с рядом других социально-экономических процессов, протекавших в городе в 20—60-х гг. XVII в.

Прежде всего очевидна связь наследственности занятий различными видами деятельности с социальным положением семей посадских людей: большая часть семей, представители которых из поколения в поколение продолжали заниматься одним и тем же делом, принадлежала к верхним слоям посадского населения — «молодым», «средним» и «лучшим» людям, доля «худых» была очень невелика, а «добре худых» были единицы. В то же время там, где занятия постоянно менялись, не зарегистрировано ни одного посадского человека, имевшего статус «лучшего», большинство же составляли «худые» и «добре худые».

Среди представителей 104 семей, для которых был характерен переход профессиональных занятий в 1620—1660-х гг. по наследству, около трети (30,1%) повысили свой социальный статус, перейдя из более низкой категории в более высокую (наиболее характерен переход «молодых» людей в «средние», отдельные представители семей кожевников Исаковых и торговых людей Могутовых вошли в гостиную сотню). Улучшение социального положения сопровождалось, как правило, расширением круга деятельности за счет занятий крупной отъезжей торговлей. Половина из этих семей (53,7%) сохранила свое социальное положение, а шестая часть (16,2%) ухудшила.

В 62 семьях, где наследования занятий не произошло, большая часть людей (57,9%) спустилась на более низкую социальную ступень, попадая, как правило, в разряд «добре худых». Строго говоря в отношении этой категории лиц правильнее будет говорить не об отсутствии преемственности, а о потере профессии вообще и переходе в разряд «рабочих людей», «ярыжек», «коровых пастухов» и т. д. 35,1% лиц сохранили свой социальный статус, и только 7% повысили его (в основном из «добре худых» в «худые» и один раз из «молодых» в «средние»).

В целом, как показывает пример Костромы, между переходом профессии по наследству и социальным статусом посадских людей наблюдается прямая зависимость: преемственность занятий в значительной степени способствует сохранению социальной стабильности в среде посадских людей или повышению социального положения лиц, влияя тем самым на формирование верхних слоев посадского населения. Не случайно именно из таких «стабильных» во всех

отношениях семей к 6-м годам XVII в. на посаде формируются целые семейные кланы Исаковых, Могутовых, Прибыловых, Баландиных, Беляевых, Телегиных др., из числа которых в основном выбираются лица в органы местного городского управления.

Вопрос о родственной преемственности занятий среди посадских людей позволяет обратиться и к такому малоразработанному вопросу, как структурно-поколенный состав городских посадских семей. Для большинства семей, где фиксируется наследственность профессий, характерна передача занятий от отца к сыну или сыновьям, что соответствует малой двухпоколенной семье. На втором месте идет наследование профессий по прямой нисходящей линии в трех поколениях (дед — отец — внук) или от совместно проживающих родных братьев к их совместно же проживающим сыновьям, т. е. двоюродным братьям (соответственно, простая трехпоколенная семья и большая неразделенная двухпоколенная семья). В отдельных, крайне немногочисленных случаях наблюдается переход специальности от дяди к племяннику, от отчима к пасынку, от тестя к зятю. Во всех этих случаях наследование было связано с занятиями, требующими наличия специального оборудования — кожевники, кузнецы, войлочники, хлебники.

Для семей, чьи представители не унаследовали занятий предков, также характерно преобладание малой двухпоколенной семьи. В остальных случаях смена профессии наблюдается в третьем поколении (дед — внук) или по боковой степени родства (дядя — племянник). Интересно отметить, что для малых двухпоколенных семей с боковой степенью родства характерно отсутствие преемственности в занятиях, и племянники в большинстве случаев выбирали иную сферу деятельности, чем дядя, правда, при отсутствии у последних собственных сыновей. В противном случае двоюродные братья предпочитали, как отмечалось выше, заниматься одним и тем же делом.

Таким образом, наблюдается определенная зависимость между наследственностью занятий ремеслом, торговлей или промыслами и структурно-поколенным составом посадских семей: чем выше численность взрослого мужского состава семей, включающих представителей нескольких поколений, тем выше степень преемственности профессиональной деятельности среди родственников различных степеней родства. Правда, при этом необходимо учитывать возможность прямо противоположной зависимости, когда расширение и упрочение профессиональной деятельности влекло за собой вовлечение в нее ближайших родственников. «Многолюдностью» подобных семей объясняется во многом факт сохранения ими своих ведущих позиций в экономической и социальной сферах жизни города и до, и после

эпидемии 1654—1655 гг., в то время как значительное количество малых двухпоколенных семей прекратили свое существование. Именно такие семьи способствовали также и сохранению общей структуры костромского посадского ремесла на протяжении 20—60-х гг. XVII в.

Дальнейшее изучение процессов преемственности ремесленных и торговых занятий в среде посадских людей поможет выявить связь этих явлений с другими аспектами городской жизни, в частности, с вопросами городского дворовладения, особенностями наследования или распределения посадских дворов среди черного тяглого населения.

В целом представляется целесообразным проведение дальнейших исследований проблем наследственности занятий посадских людей как в рамках самой Костромы, расширяя хронологические рамки используемых источников, так и на примере других городов, сохранивших комплексы писцовой документации XVII в.

Т.И. Трошина
(г. Архангельск)

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ИНОРОДЧЕСКАЯ ДРУЖИНА 1916—1917 гг.: ОПЫТ АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ ФОНДА 1233 ГААО

В Государственном архиве Архангельской области хранится фонд 1233 («Архангельская инородческая дружина»), включающий документы делопроизводства о принудительном содержании военизированных рабочих отрядов из «инородцев» призывного возраста, так называемых «реквизированных бурят».

Появление в Архангельске «Инородческой дружины» связано с указом императора Николая II от 15 июня 1916 г. о принудительной «реквизиции» проживающих в России «инородцев», годных к призыву в армию по возрасту и здоровью. Прежде российская армия не испытывала нужды в призывниках и не нуждалась в военнотрудовых из «инородцев» и «иноверцев». Однако Первая мировая война приняла характер тотальной; под ружье было поставлено почти все годное по здоровью мужское население. Шел призыв в действующую